

Сергей Абашин

Regine A. Spector. Order at the Bazaar: Power and Trade in Central Asia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2017. 254 pp. ISBN 9-781-5017-0932-6.

Сергей Абашин, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: Гагаринская ул., д. 6/1, литера А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. s-abashin@mail.ru.

Изучение постсоветских и постсоциалистических рынков, ставшее популярным и даже модным (Дятлов и Григоричев 2015; Humphrey and Skvirskaja 2009; Hüwelmeier 2013; Karrar 2017), имеет несколько проблем, или рисков, о двух из которых я хотел бы сказать в начале рецензии. Первая проблема заключается в том, что исследователи нередко видят в рынке прообраз общества как такового. Неслучайно само слово содержит в себе второе лексическое значение: рынок вообще как тип экономического и социального устройства. Изучение рынка в этом случае вольно-неволью подразумевает изучение социального и экономического феноменов, которые обнаруживают какую-то важную особенность общества в целом: например, его транзитный – от социализма к капитализму – характер (Дятлов 2015:39). Контекст места и истории – конкретных людей, конкретного города, конкретной страны – грозит в такой перспективе исчезнуть и потерять сам «рынок» уже как особое пространство со своей специфической атмосферой и особой ролью в обществе. Вторая проблема состоит в том, что переименование «рынка» в «базар» может превратить объект исследования в ориенталистский образ «другого», провести видимую или невидимую границу между «правильным» рынком и «неправильным» базаром – неважно, будет ли при этом исследователь симпатизировать этой «неправильности» или обличать ее. Это отчасти схоже с первой проблемой, только в этом случае вместо рынка, который как бы является квинтэссенцией любого социума, мы получаем рынок как образ восточных (неевропейских) культур.

Все эти проблемы или риски до некоторой степени касаются представляемой книги Регины А. Спектор «Порядок на базаре: власть и торговля в Центральной Азии».

Во введении («The Possibility of Order») исследовательница формулирует свою главную задачу: показать, как при отсутствии сильного правительственного аппарата и бюрократического государства порядок создает сам себя – снизу, каким образом люди, которые связаны с рынком, – торговцы и владельцы, – ведут переговоры и создают правила, нормы, отношения и обязанности. Так автор противопоставляет свой взгляд тем, кто характеризует постсоветские рынки и общества в целом как места постоянного кризиса, хаоса и конфликтов. Обращение к низовым практикам установления порядка позволяет, как она считает, преодолеть характерную, например, для международных организаций, телеологическую

логику, которая видит условием развития региона укрепление и усиление эффективности государственных институтов и законов (с. 4).

В первой («Varieties of Order in the New Market Context») и второй («Changing Meanings of Bazaar Trade in Central Asia») главах Спектор убеждает читателя, насколько важны рынки для современного Кыргызстана. Став после распада СССР одной из самых бедных, политически нестабильных и коррумпированных стран не только на постсоветском пространстве, но и в мире, Кыргызстан, тем не менее, превратился в 2000-е годы в ведущий торговый перевалочный пункт для огромного евразийского региона, в место экономического, военного, образовательного и социального присутствия многих международных организаций и государств, при этом Кыргызстан показал в мировых рейтингах самые высокие стандарты прав собственности и инвестиций (с. 5–6). Благодаря открытой политике торговля, прежде всего китайскими товарами, стала составлять значительную часть ВВП страны и каждый десятый житель был вовлечен в нее. Признавая, что торговля всегда была в регионе важной экономической активностью, исследовательница в то же время отказывается оценивать рост значения рынков с культурной перспективы, как восстановление исторических форм местной жизни, издавна связанных с торговлей на так называемом Шелковом пути. Соглашаясь, что шок бедности и лишения заставил многих, прежде всего женщин, покинуть предприятия и учреждения и искать способы выживания на базаре, она отказывается безоговорочно принимать перспективу критики неолиберальных трансформаций, которые привели к разрушению советской экономики и социального пространства, втянув множество людей в торговлю. Автор отвергает также и взгляд на рынки как места господства мафии и олигархов. Не отрицая аргументов в пользу этих аналитических позиций, Спектор предлагает рассмотреть, как разные люди сами создают острова порядка, регулируют свои отношения и нормы, используя старые советские или досоветские институты, переформируя и адаптируя их к новым целям защиты собственности и получения доходов, создавая особые рыночные hybrid "assemblages" (с. 13).

Анализируя во второй главе интервью с торговцами, Спектор говорит об изменении восприятия рынка. Если раньше торговля считалась нехарактерным для кочевнической кыргызской культуры и непрестижным занятием, даже осуждаемым в советское время, то сегодня она воспринимается как основной способ выживания, образ жизни, оправдываемый необходимостью обеспечения семьи, культурой или религией. Автор не соглашается ни с либеральной точкой зрения, которая видит в этих переменах становление нового среднего класса, ни с марксистской, в которой рынок выглядит как результат бесправия и безальтернативности, предлагая вслед за информаторами увидеть разнообразный репертуар мнений и моральных оценок, связанных с их социальными, профессиональными и этническими идентичностями и опытом.

Третья («Organizing Collectively at Dordoi Bazaar») и четвертая («Adapting to Bazaar Ownership through Diplomacy») главы рассказывают, каким образом организован порядок на крупнейшем рынке Кыргызстана – «Дордой», который находится в окрестностях Бишкека и еще в 2011 году обслуживал 1,5 млн человек в месяц, обеспечивая работой сотни тысяч людей.

В фокусе третьей главы находятся профсоюз и фигуры «старших», которые создают и поддерживают местный порядок на базаре, используя опыт советских профсоюзов и других институтов (домком, школа) и преодолевая проблемы воровства, рэкета, антисанитарии и пр. Спектор описывает различные примеры работы профсоюза и «старших»: борьба против повышения налогов, медиация в решении конфликтов между владельцами контейнеров и компаниями, создание системы социальной заботы. Из интервью с обычными торговцами она показывает разный характер вовлеченности в работу профсоюзов, тем не менее, при отсутствии сильного государства, считает автор, люди оказались способны к самоорганизации, используя набор разных практик.

Четвертая глава посвящается Аскару Салымбекову, владельцу «Дордоя». Спектор хочет выйти за рамки постсоветского нарратива об олигархах-бандитах и демонстрирует более сложный характер деятельности своего героя. Будучи выходцем из номенклатурной среды, Салымбеков использовал свои связи в комсомоле, столичной мэрии, спецслужбах и спортивной среде для конвертации административного капитала в экономический, создав с нуля самый известный кыргызстанский рынок. Исследовательница анализирует его бизнес-поведение как вид дипломатии: постоянные переговоры с властью, дружественной при президенте Аскаре Акаеве и недружественной при его сменщике Курманбеке Бакиеве; создание сети поддержки из спортивных клубов и земляков из Нарынской области; активное взаимодействие с профсоюзом и использование советской социальной риторики защиты; укрепление дружеских, партнерских и даже родственных контактов с другими влиятельными силами, в том числе в Китае, откуда поступают товары на «Дордой». В 2005 году Салымбеков стал депутатом кыргызстанского парламента, что Спектор считает примером не столько прихода олигархов к власти, сколько использования новой площадки для переговоров между разными политическими и экономическими игроками. Эта разнообразная и все время меняющаяся дипломатия, направленная на защиту бизнеса – *flexible opportunism* – даже дает ей повод сравнивать владельца «Дордоя» с историческим персонажем из другой географической реальности Косимо Медичи (с. 110).

Пятая и шестая главы («Centralizing to Modernize at Osh Bazaar» и «Becoming Trading Elders and Local Authorities») повторяют анализ уже на примере «Ошского рынка» в Бишкеке, который показывает другую ситуацию, отличную от «Дордоя».

«Ошский базар» был создан как колхозный в центре города еще в советское время и восполнял дефицит продукции и товаров. Однако после распада СССР спор между потребсоюзом и муниципальными властями по поводу его принадлежности и права назначения директора привел в итоге к дезорганизации системы управления, усиленной беспорядочной и полужформальной приватизацией его разных частей и стихийным захватом территории вокруг рынка. Описание существующего здесь беспорядка («базар на базаре», с. 117) стало господствующим нарративом. Попытки ввести контроль и централизовать управление под лозунгами «цивилизации» и «модернизации» проваливались, хотя какие-то реформы благоустройства и систематизации удавалось провести. Спектор анализирует серию интервью с работниками «Ошского рынка», чтобы показать отношение и

практики снизу. Эти интервью сгруппированы по нескольким категориями: аксакалы и бейбиче, старшее поколение и младшее, уличные торговцы. Каждая из этих групп, как выясняется, имеет специфический взгляд на порядок. Особое внимание автор уделяет фигурам неформальных «старших» – аксакалу и бейбиче, которые, по ее мнению, наследуют традиционные досоветские практики управления и неформального медиаторства, сохранившиеся в сельской местности Кыргызстана и перешедшие вместе с мигрантами из села в город. Спектор также отмечает разницу между восприятием старшего и молодого поколения: первое более склонно видеть беспорядок и винить в этом власть, второе больше уважает авторитет аксакалов и позитивно оценивает перемены.

Хотя сравнение двух примеров, которое Спектор кладет в основу своего анализа, дает сложную картину разного состояния рынков в Бишкеке и разных позиций торговцев даже на одном рынке, ее стремление увидеть нормализацию снизу все-таки не всегда выглядит до конца убедительным. Порой кажется, что автор чересчур поддается нормативным высказываниям и логике рассказа своих информаторов о том, как должен выглядеть этот порядок. Сомнения вызывает и та доверчивость, с которой исследовательница оценивает интервью того же Салымбекова для СМИ. Из поля зрения автора при этом нередко исчезают все практики и события, о которых выбранные источники хотели бы умолчать, и другие агенты рыночной жизни, те же формальные и неформальные службы безопасности, сборщики официальных налогов и неформальной дани, менее удобные для создания образа низового порядка. По-видимому, методологическая основа исследования, опирающаяся на материалы СМИ и интервью (иногда взятые с помощью ассистентов), оставляет немало белых пятен и вопросов, несколько сдвигая полученный результат в сторону, выгодную для выбранной концептуальной рамки.

В седьмой главе («Local Order in Post-Soviet Bazaar and Beyond») Спектор еще раз показывает разнообразные формы рыночного порядка и траектории его формирования. Для этого она кратко описывает истории еще двух бишкекских рынков «Орто сай» и «Мадина», а также крупного рынка «Карасуу» в Желалабадской области на юге страны. Особенно интересным является последний пример, в котором сложился сопоставимый с «Дордоем» крупный региональный узел торговли и была предпринята попытка централизовать его в руках одного влиятельного лица, которым стал известный спортсмен Баяман Эркинбаев. Однако повторение дордоевско-салымбековской модели не получилось: Эркинбаев был убит, и базар остался в состоянии постоянной конкуренции и споров разных сил. Спектор идет дальше, выходя за рамки Кыргызстана, и кратко говорит о «Черкизовском рынке» в Москве и «Удельном» в Санкт-Петербурге, «Лило» – в Тбилиси. И даже не исключает возможности сравнения с Венесуэлой, Мексикой, Филиппинами, Турцией и Индией (с. 177).

Давая такой широкий обзор, исследовательница пытается из своих двух главных примеров вывести какой-то общий тезис, но, кажется, отдаляясь от контекста Кыргызстана, этот тезис становится все более неясным. Если речь не только о Кыргызстане, то тогда какой смысл говорить о самоорганизации в условиях слабого государства? Если речь не только о постсоветском пространстве, не только о

кризисе в момент распада СССР и не только о трансформации советских институтов, то какие еще факторы влияют на рыночную самоорганизацию? Нужно ли говорить о какой-то универсальной модели, относящейся к «the world more generally» (с. 178), или же, судя по упомянутому списку государств, речь идет о какой-то генерализации для мира развивающихся стран?

В заключении («Rethinking Policy, Politics, and Development») Спектор критикует политику международных организаций, берущих на себя роль государства и пытающихся навязать в духе джеймсскоттовского «высокого модернизма» свой порядок, например, через политику налогов и программы парламентского контроля. Исследовательница показывает, что такие попытки разрушают местные представления о морали и сталкиваются с сопротивлением, которое может стать основой для революций, как это было, по ее мнению, в начале «арабской весны», когда вопрос о налогах привел к одиночному самосожжению в Тунисе и вспыхнувшему после этого массовому протесту. Чтобы не допустить этого, считает Спектор, надо увидеть, «как люди на местах лицом к лицу сталкиваются и борются с проблемами, а также создают свои собственные стабильные пространства и значимую рабочую среду» (с. 188). И именно с этим трудно не согласиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дятлов, Виктор. 2015. «Этнические рынки в современной России – ускользающий объект исследовательского внимания». С. 16–41 в *Этнические рынки в России. Пространство торгового места встречи*, под ред. Виктора Дятлова и Константина Григоричева. Иркутск: Изд-во ИГУ.
- Дятлов, Виктор и Константин Григоричев, ред. 2015. *Этнические рынки в России. Пространство торгового места встречи*. Иркутск: Изд-во ИГУ.
- Humphrey, Caroline, and Vera Skvirskaja. 2009. "Trading Places: Post-Socialist Container Markets and the City." *Focaal* 55:61–73. doi:10.3167/fcl.2009.550105.
- Hüwelmeier, Gertrud. 2013. "Postsocialist Bazaars: Diversity, Solidarity, and Conflict in the Marketplace." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 5(1):52–72.
- Karrar, Hasan H. 2017. "Kyrgyzstan's Dordoï and Kara-Suu Bazaars: Mobility, Globalization and Survival in Two Central Asian Markets." *Globalizations* 14(4):643–657. doi:10.1080/14747731.2016.1201323.